

С В Я Т О С Л А В С А Р А Ж И Н

КАРИБСКИЙ ФЛАЙ

ТРАВЕЛОГ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

12+

Святослав Саражин Карибский флай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45252456

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08629-6

Аннотация

Эта книга о людях разных стран, их привычках, смешных и трогательных, о братьях наших меньших, животных, которые нас окружают, делают нашу жизнь более яркой и насыщенной. И, конечно же, она о Доминикане, прекрасном острове в Атлантическом Океане. Каждый вошедший в нее рассказ – это целая история. История, заставляющая не только улыбнуться, но и грустить, задуматься о чем-то своем. Каждый рассказ содержит посыл, посыл к нашим чувствам, совести, интеллекту. И это совершенно не случайно, ведь, Святослав Саражин – эксперт по техникам исполнения Желаний, помогающий людям в выборе пути.

Содержание

Что за непонятное слово травелог и почему он хорошего настроения	4
Карибский флай!	7
Бухта Желаний	12
Утро на Карибах	16
Место любви	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Что за непонятное слово травелог и почему он хорошего настроения

А всё просто. Травелог – это очерк о путешествии. Но он никогда не будет просто туристическим описанием или отчётом о посещённых местах, странах, городах.

Травелог – это личное. Это от сердца к сердцу. Это то, чем хочется поделиться и не видно сразу за суетой аэропортов, отелей и призывными вывесками магазинов дьюти-фри. Это взгляд изнутри. Это там, где не ходят профессиональные гиды и нет места сувенирным лавкам.

А почему «хорошего настроения»?

Откройте эту книгу, когда вам захочется тепла. Автор не понаслышке знаком с жизнью на острове в Атлантическом океане, который утопает в зелени пальм, окружён коралловыми рифами и обласкан жарким тропическим солнцем.

Заварите чашечку ароматного кофе, вдохните его запах, закройте глаза.

Прислушайтесь... слышите? Это шум прибоя могучего Атлантического океана.

И, возможно, вы услышите вздох. Вздох ручного змея по имени Мачо, который так любил смотреть на закат карибского солнца.

Или стрекот миниатюрных крыльев колибри, который

окружает вас, стоит выйти утром на террасу, утопающую в тропической зелени.

Прокатиться с автором на лодке в поиске влюблённых китов или полюбоваться на милую ящерку-геккона Машку, живущую за картиной на стене.

Или прокатиться на общественном транспорте под названием гуа-гуа к пляжу, красивее которого не найти на карте нашей планеты.

Пройтись с добрым батумским псом по имени Толстый Чико за горячим хачапури в подвальчик неподалёку или ощутить тёплую грусть, прогуливаясь по парижскому кладбищу Пер-Лашез.

Вы не останетесь равнодушными. Хорошее настроение обеспеченно.

Хорошего вам полёта с автором «Карибского флая» Святославом Саражиным по дорогам и странам, с душевной стороны.

Карибский флай!

Сентябрь. В Москве унылый дождик и холодно. Домодедово провожает меня в Доминикану. Всего-то одиннадцать часов над Атлантикой, и мы приземляемся на остров. Опытные пассажиры шуршат шортами, сланцами и майками – переодеваются, я же жду, когда меня выпустят из этой летающей трубы. И вот впереди свет в конце тоннеля. Выхожу в проём и... дышать нечем – это сауна. Мгновенно покрываюсь потом, и это будет продолжаться без малого пять лет. Жарко – это не то слово. Раскалённая полоса, чёрные люди, незнакомая, но приятная на слух испанская речь. Все проходят контроль. Где-то задорно стучит барабан в латиноамериканских ритмах.

Людей быстро разбирают отели и таксисты. Остаюсь один. Меня ждёт аэротакси, чтобы доставить на полуостров, где планирую поселиться. Кое-как нахожу частный аэродром, прилегающий к основному. Подходит опрятно одетый доминиканец, и язык жестов помогает понять друг друга, так как тогда испанский я не знал, а английский язык, по-видимому, не его сильная сторона. Прохожу местный таможенный контроль, который заключается в том, что латиноамерикан-

ская женщина плотной наружности в форме хлопнула меня по попе и с улыбкой что-то сказала... Это новый опыт для меня. Но контроль пройден, и вот уже иду по раскалённой полосе к маленьким самолётикам. Не так всё и страшно, нормальный двухвинтовой... но мы проходим мимо. Ну и этот ничего, с небольшой автобус... и тоже не мой.

И тут я понимаю, что мы идём к НЕМУ! У вашего знакомого или друга был очень-очень старый жигулёнок? Ну, совсем старый – потрескавшаяся краска местами облупилась, приспущенное колесо, тусклые и уставшие стёкла?

Именно к такому «жигулёнку» мы и подходили, только он был с крыльями и выглядел очень уставшим. Встречал нас худенький пилот, одетый в форму лётчика, правда, без фуражки. Посмотрел на мой гиппопотамский чемодан, сказал обычную доминиканскую фразу: «Ай-йя-йя», покачал головой и открыл малюсенькую дверцу где-то в попе самолётика. Покачал головой, видимо понимая, что чемодан, который занимает половину этого агрегата, точно не войдёт в это отверстие. И начал запихивать его на заднее сиденье самолёта.

Вы сидели в машине Porsche 911 первого поколения на заднем сиденьи? Так вот, это такая узенькая и неудобная табуреточка. В этом кузнечике было то же самое. Кое-как запихнув чемодан, пилот показал мне на место возле своего кресла. Впечатление, что я сижу в жигулёнке 40-летней выдержки, было полным. Приборная панель с трещинами в пластике, желтоватые стёкла, прикрученная проволокой

ручка дверцы.

Сказать, что я фанат полётов, – это ничего не сказать. Летать я не люблю. Но тут... Пилот, видимо, делал предполётный осмотр своего механизма, и я периодически слышал его: «Ай-йа-йя». С моей стороны он потрогал крыло, покачал его из стороны в сторону, удручённо помотал головой, поймал мой полный ужаса взгляд и поспешил поднять большой палец вверх, заверяя меня в отличном состоянии этого чуда. Скажу вам, что он меня не убедил. Сел в кресло и показал жестами, что нужно изо всех сил хлопнуть дверцей. Ну, это я умел, – вспомните про жигуль, – я много таких перевидал. Дверца закрылась, и карибский авиатор, перегнувшись через меня, накинул петельку из проволоки на какой-то самодельный стопор. Ну, чтобы я не выпал случаем по дороге.

Что-то дёргая, включая, переключая и бормоча себе под нос: «Каброн, куньё, мьерда» (нехорошие слова, как я узнал потом), он ЗАВЁЛСЯ... и боком, подрагивая и скрипя, мы поднялись в воздух.

Прекрасная картина. Голубое небо с пёрышками белоснежных облаков, синий океан с барашками пены и... и... пилот, увлечённо ковыряющий свою ноздрю. О, Мадре Святая Богородица Мария! Уловив мой взгляд, наполненный муками, он движением другой руки изобразил международный знак «О'кей», не прекращая при этом увлекательные раскопки.

Пару раз наш самолётик чихал и кашлял, и пилот, тихо ру-

гаясь, но при этом ослепительно улыбаясь, для того, наверное, чтобы отсрочить мой инфаркт, что-то крутил и подкачивал, после чего самолётик опять ровно и довольно урчал.

Наконец далеко внизу показалась земля. Ослепительно зелёный остров в окружении голубой воды. Пошли на снижение, и я закрыл глаза. Само приземление помню плохо. В памяти осталось, как я обнимал своего пилота после полёта. Тогда я чувствовал, что этот пилот один из самых близких мне людей. Моё состояние было примерно таким же, как у пассажиров, которые благополучно приземлились в аэропорту в старом советском фильме «Экипаж». Главное, живы!

На подгибающихся ногах я шёл в тропический рай, наполненный весёлыми людьми, яркими цветами, звуками бацаты, мельтешением колибри и парением солидных альконов (ястребы) над головой. Где каждый незнакомый тебе человек скажет: «Mi corazón» (ми курасон – моё сердце), где нет зимы, сугробов и осенних насморков. Где солнце всегда встречает тебя в одно и то же время, а ночи наполнены благоуханием цветов и пением цикад. Это остров Эспаньола – мой дом.

Бухта Желаний

Живу я у самого синего моря, а если точнее, у самого Атлантического океана, где не бывает зимы. И если бы я владел искусством телепортации, то отправился бы в холод, ровно на три часа, чтобы почувствовать полнее, насколько это здорово, когда круглый год тепло.

Засыпаю под шум прибоя, когда невидимые в густой карибской ночи волны гладят прибрежный песок своими телами. Просыпаюсь под этот глухой и размеренный гул. Иногда ночью встаю и выхожу на террасу, чтобы полюбоваться звёздами. Тогда океан невидим. Но я его слышу. Вдали мигает одинокий бакен, предупреждая редкие в этих водах суда о коварных коралловых рифах. Его огонёк убаюкивает меня, и я возвращаюсь в постель, окутанный запахами цветов иланг-иланга, водорослей, свежей воды.

Утром иду на берег, чтобы поздороваться с этим зверем. Иногда океан ворчлив и неспокоен. У самого берега нагромодил осколки мраморных и базальтовых скал, почёсывая о них свои крутые, пенистые волны.

Но чаще мы замираем в восторге, когда жаркое солнце тропиков поднимается из-за горизонта. Это особые минуты. Сначала всё пространство вокруг кажется серым. Скалы,

пальмы, островки с нахохлившимися пеликанами на острых верхушках коралловых рифов. Волны накатывают на берег с сонным спокойствием, шуршат галькой.

Но вот наступает мгновение, которого ждут. Это мгновение сродни тому, когда, будучи ребёнком, достаёте из-под ёлки подарок. И вы ещё его не развернули, но полны предвкушения... – вот сейчас, прямо сейчас исполнится мечта. Сияющая и радостная, трепещущая, и не как у всех.

Именно это мгновение предшествует восходу.

Океан замирает, пеликаны поднимают мощные клювы и расправляют серые крылья, пальмы прекращают бесконечный разговор изумрудных крон.

Вдруг золотом вспыхивает край неба, и прямо к моим ногам пробегает золотистая дорожка, как драгоценная лестница в небеса.

Крылья громадных птиц вмиг окрашиваются в нежные оттенки розового с золотым сиянием. Островки становятся изумрудными, а на груди иссиня-чёрных скал вдруг вспыхивают изломанными гранями кристаллы дымчатого кварца.

Мгновением позже весь мир взрывается множеством звуков после вынужденной задержки дыхания, поражённый красотой и грандиозностью картины.

Взлетают пеликаны, и огромные крылья, как нож, взрезают золотое масло насыщенного солнечным светом воздуха.

Пальмы встряхивают зелёные кроны с шумным шелестом. Волны играют с камнями всевозможных расцветок и форм,

порождая непередаваемую словом музыку жизни.

И я стою в этой великолепии, умытый новорожденным золотым сиянием, сердцем чувствуя бесконечную радость бытия.

И однажды мне стало понятно, что невозможно не поделиться этой радостью с миром. С людьми, которым в эту самую секунду плохо, или они больны, или обременены хлопотами и печалью.

Но я верю, я просто знаю, что у каждого есть мечта. Это тот светлый огонёк, который живёт в каждом сердце.

И тогда я нагнулся и поднял из океанской воды красивый кусок мрамора. Его бока засверкали в лучах восходящего солнца. Капли на белоснежных гранях брызнули «солнечными зайками», отражая золотистые лучи, и я установил это мраморное чудо на ближайшую скалу.

Я понял, что необходимо поделиться с миром этим чудом, и решил, что каждый, кто хочет исполнения своей мечты, может написать мне и попросить поставить его особенный, неповторимый, великолепный и сверкающий камень исполнения Желаний. И сотни людей со всех концов земного шара стали писать мне и делиться своими мечтами.

Уже много дней прихожу в эту бухту не просто так. Я устанавливаю камни. Большие и маленькие. Белоснежно-мраморные и гладко отёсанные. Чёрные и пятнистые. Рыжие и палевые. Жёлтые с красными вкраплениями кораллов и бронзовые с золотистыми жилками, но все, абсолютно все,

без исключения, прекрасные.

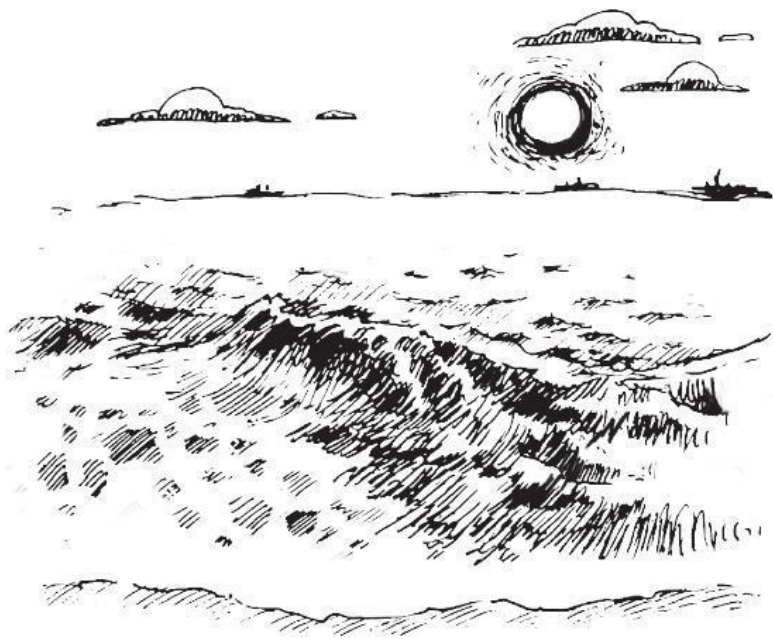
Ведь это не простые камни. Каждый камень – это чьё-то желание. Желание-мечта.

Я сказал себе, что, если нужно ЧУДО, я его сделаю. И в пронизываемых ветрами зимних Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Киеве, Москве, в любой точке земного шара каждый почувствует тепло тропического солнца через его камень, установленный моими руками на берегу далёкого Атлантического океана.

И тогда, да, именно тогда мечта начнёт жить, согретая верой и красотой жизни.

Теперь это не безымянная бухта. Я назвал её БУХТА ЖЕЛАНИЙ. И сотни... уже сотни камней встречают меня в чудесной бухте на самом берегу тёплого Атлантического океана.

Утро на Карибах

Знойные ночи на Карибских островах наполнены запахами и звуками. Сладко пахнет иланг-иланг. Его цветы

жёлтыми пятнами покрывают чёрную траву, кое-где посеребрённую лунным светом. Огромная лягушка застыла под пальмой.

Кажется, она слушает эту густую ночь. Слушаем вместе.

Цикады поют свою песню, им вторят сверчки. Шуршание крыльев... – ночная птица. Тут же бесшумно тень громадной летучей мыши промелькнула перед глазами. Ночь на Карибах – это время таинственных превращений и трансформаций. Мириады звёзд на бархатном небосводе мигают и переливаются, как просыпанные кем-то бриллиантовые пылинки. Но ночь есть ночь, и я засыпаю под этим бездонным небом.

Меня будят первые лучики солнца. Ещё раннее утро, но они уже знойные и настойчивые, от них не скрыться. Жужжание маленького вертолётника перед лицом. Ну, конечно, – это неутомимые колибри. Неутомимые и очень любопытные. Зависают в десяти сантиметрах от лица и с интересом рассматривают вас, иногда облизываясь... хищники, что ли? Прилетают постоянно, попить сладкого сиропа, который специально для них готовлю в специальной поилке.

Повисев секунд десять, колибри успокаивается и отправляется за завтраком. Вот этот мой любимый «колибр». Почему колибр? Ну, я считаю, что это мальчик. Называю его «Вестник Апокалипсиса». Полностью чёрный, как уголь-антрацит, с блёстками, кое-где проглядывает кислотно-малахитовое перо. Частенько сидит на веточке, что редкость для

таких активных птичек, и с отрешённым видом смотрит вдаль – чёрный, одинокий, магический. Ну чем не «Вестник Апокалипсиса»?

Утром происходит рокировка ящерок. Ночные и такие любимые гекконы, позёывая, уползают под картины, за телевизоры и шкафы отсыпаться и переваривать съеденных москитов. Им на смену приходят настоящие акробаты и бегуны. Утро у них начинается с отжиманий. Бежит себе такая ящерка по перилам террасы и вдруг, остановившись, начинает отжимания. Да-да, отжимания. И тогда понятно, что это истинный мужчина, который показывает незамеченной мною самочке свою удаль и красоту. А чтобы девушка окончательно сошла с ума и отдалась в крепкие чешуйчатые лапки, он ещё раздувает мешочек под горлом. Ну всё... вот и она. Сражённая наповал таким кабаэро (джентльмен, дословно – ковбой), зелёная самочка томно выглядывает из-за листика, с интересом наблюдая за раздувающимся мешком у него под горлом. Я так понимаю, так она оценивает размеры... эээ... ну, сами понимаете, чего. Потому что реально их оценить не получается. Я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы за мальчиком что-то волочилось по травке. По глазам самочки, подёрнутым томной поволокой, понимаю – старания мужчины не прошли даром. Но что это? Мешок сдулся, кавалер напрягся всем телом и вдруг, сделав отчаянный прыжок, схватил муху на лету и тут же скрылся в неизвестном направлении. Эх, мужчины. Еда важнее для

них, чем любовь.

Оскорблённая до глубины души самочка, слизнув капельку росы, убежала по своим делам, наверное, рассказать подружкам, какие мужики бесчувственные создания.

Яростное чириканье, стрекотание и шорох.

Это сахарные воробьи, именуемые мной желтопузиками, сражаются у поилки с сиропом с законными владельцами этого лакомства.

Колибри побеждают, отгоняя нахалов тонкими и острыми клювами. Но желтопузы не унывают. Они пережидают атаку колибри, зацепившись коготками за поилку снизу, повиснув вниз головой. Кажется, при этом даже улыбаются. Ну что с них возьмёшь – хулиганы. Интеллигентные колибри, попив сиропа, удаляются поохотиться на мошек, а сахарные воробьи с удовольствием пьют из поилки.

По всей земле кричат петухи, и, если закрыть глаза, можно представить себя где-то в деревне. Любят тут петухов, они же тут красивые и боевые.

Солнце встало, и тут же мгновенно, как из лейки, проливается дождь. Яркий тропический ливень, который берётся неоткуда и уходит никуда. Он, как и всё тут, в стиле бачата – стремительный, нагловатый, но откровенный и весёлый. Я дождя не боюсь. Тёплые капли освежают, смывая ночные туманы с окружающих пальм, а гамак воды не боится. Такой себе утренний душ.

Через несколько минут дождь прекращается, и освежён-

ный мир встряхивается зелёными листьями, перьями, щетинками, усиками, чешуйками и волосами.

Только гордые альконы (орлы, большие птицы) так же невозмутимо кружат надо мной в голубой высоте. Откуда берётся дождь, так и не понятно. Магия. Как и многое на этом волшебном клочке земли.

На острове Эспаньола начинается новый день. Уже через минуту Доминикана запоёт на разные голоса, окутается запахами свежесваренного кофе. Зашуршит бесчисленными щётками возле домов. Сотни тысяч женских рук заплетут миллионы смоляных косичек. Миллионы любовно погладят свой верный мото и пройдутся по нему сухой тряпочкой. Тысячи ржавых машин, рекламщиков на колёсах, вывернув на полную громкость старенькие усилители, приготовятся известить мир, что...

– Сегодня в магазине у Педро небывалые скидки на штаны для мужчин.

– Покупайте лучшие и свежайшие яйца у доньи Рейны прямо за церковью.

– У Хорхе самый маленький член во всей провинции (и такое бывает: а нечего обижать дам).

Эх, утро, Доминикана – громкая страна тихой любви.

Место любви

Живу я в Доминиканской Республике, и не где-нибудь, а на самом краешке полуострова Самана. Это одна из самых красивых провинций Доминиканы. Но я еще усугубил это и поселился в самой его красивой части, а именно рядом с городком под названием Лас Галлерас. С конца января до конца марта Саману атакуют туристы со всего света. С самого раннего утра на пристань, где навсегда прописался старенький катер береговой охраны, доставляется людская масса, в основном из Европы. Как правило, это организованные группы, которые пасёт кто-то из местных, наслаждаясь властью над запуганными туристами.

Ведь каждый отель в Доминикане просто из кожи вон лезет, чтобы рассказать, какие ужасы таятся за пределами их крепких стен и охранников с помповыми ружьями. Что тут насилуют, убивают, воруют, требуют выкуп, и вообще сам воздух за пределами отеля наполнен опасностью. Я всегда чувствую себя супергероем, когда мимо меня, запросто идущего по дороге вдаль от всяких туристических троп, проезжает туристический транспорт, наполненный приезжими. Они смотрят на меня из-за стёкол автобусов огромными от удивления глазами.

– Как он выжил на этих страшных улицах? Наверное, он очень крут!

И мне это льстит, конечно. Расправляю плечи, походка становится небрежной, но пружинистой, как у мастера восточных единоборств. Взгляд скупающий и пронзительный. Этаким ковбой, презирающий опасности.

Но вот автобус проезжает, и я тихонько усмехаюсь. Ведь отелям выгодно, чтобы туристы никуда не сбежали с их деньгами за пределы отельного кондиционированного мира. Иначе их денежки будут оседать в других карманах. Их можно понять.

Так вот, каждый год все эти люди приезжают поглазеть на китов. Да-да, именно сюда, где я живу, приплывают киты. Каждый год эти громадины преодолевают сотни километров из своих северных угодий в эти тёплые воды, чтобы найти свою любовь.

Приплывают сюда, чтобы влюбиться и оставить потомство. За это короткое время они ничего не едят, а только занимаются ухаживанием и любовью. И их сотни. Конечно, это привлекает огромное количество туристов.

Я могу наблюдать китов, которые резвятся в бухте Желаний, где ставлю камни для исполнения мечты, прямо с террасы своего дома.

Но одно дело наблюдать фонтаны и спины китов на расстоянии ста или двести метров, и совсем другое дело – посмотреть им в глаза вблизи. И мы с Женей решили познако-

миться с ними поближе. Наш друг немец владеет туристическим предприятием. Он и устроил эту поездку. Ранним утром мы выехали из нашего городка в столицу провинции, откуда и отходит катер.

Прибыв на место и проглотив таблетку от укачивания (это Атлантика, детка, и качает тут так, что даже опытные моряки зеленеют раз от разу), мы направились к причалу. Столпотворение. Всех окольцовывают и сгоняют в небольшие стада. Мы же были своего рода «дикарями» и, миновав это «чистилище», подошли к причалу, где ждала небольшая плексиглазовая лодочка с мощным японским мотором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.